

ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФРАНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИЙСКОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Е.А. Невежина (Москва, Россия)

Современная зарубежная и отечественная лингвистика все чаще обращается к вопросу варьирования языков на различных территориях. Особое место отводится разновидностям французского языка за пределами Франции. Варианты французского языка уникальны на каждой изучаемой территории. В данной статье представлен бельгийский вариант французского языка в разорванном франкоязычном ареале Валлония-Брюссель (Бельгия), а также пособие по языку прессы.

Ключевые слова: *идентичность, вариант языка, бельгицизм, языковая уверенность/неуверенность, социолингвистика, эпilingвистический дискурс*

THE FRENCH LANGUAGE VARIANTS OUT OF FRANCE (THE EXAMPLE OF BELGIAN VARIANT OF FRENCH)

E. Nevezhina (Moscow, Russia)

The French language variation out of France has a number of features in different territories and in different societies. We conducted an analysis of the dynamics of language processes in the French-speaking part of Belgium: the area of Wallonia and Brussels. The research was formalized in the dissertation work and manual devoted to the media language of France, Switzerland and Belgium.

Keywords: *identity, belgicism, language variety, linguistic security/insecurity, sociolinguistics, epilinguistic discourse*

Последние десятилетия мир лингвистики наблюдает за региональными движениями, проходящими во многих странах под знаком защиты языкового и культурного разнообразия на фоне процессов глобализации. Поэтому нарастающий интерес исследователей к пространственному варьированию языков неслучаен.

Вопросами варьирования французского языка за пределами Франции занимались М.А. Бородина, В.Г. Гак, Н.И. Голубева-Монаткина, Г.С. Доржиева, В.М. Жирмунский, Т.Ю. Загрязкина, К.И. Курбанова, Д.П. Моисеева, Л.В. Разумова, Е.А. Реферовская, Л.М. Скредина, Г.В. Степанов, Н.М. Фирсова, А. Холкина, зарубежные лингвисты К. Бланш-Бенвенист, О. Брэн, Ш. Бушар, С. Детэй, Ж.-М. Клинкаенберг, А. Ланли, В. Лине, Г. Туйаон, М. Франкар и др.

Особый случай представляет собой франкоязычный ареал Бельгии, в частности, Валлония и Брюссель. Бельгия на протяжении всей своей истории принадлежала различным государствам и обрела независимость только в 1830 году. Являясь продуктом культурных взаимодействий, французский язык на территории королевства подвергся контаминации следующих языков и диалектов: нидерландский язык / фламандский диалект (например, слова *broil* – беспорядок, *platekees* – творог, *zwanze* – типично брюссельская шутка, *crolle* – локон, завиток, *kermesse* – народное празднество, *bourgmestre* – бургомистр, мэр, *prester* – оказывать); немецкий язык (*ring* – окружной бульвар; *froebelienne* – воспитательница); испанский язык (*bodega* – ларек с напитками); английский язык (*fancy-fair* – благотворительная ярмарка, *full time* – полный рабочий день, *goal* – цель, *half* – половина); валлонский, пикардский, лотарингский, шампанский диалекты.

Для обозначения франкобельгийских особенностей зарубежные и отечественные исследователи часто используют термин «бельгицизм», появившийся впервые в 1811 году. Между тем термин носит условный характер. «В различных частях франкофонии, разделенных тысячами километров, обнаруживаются не только общие явления, но и общие формы, отсутствующие в норме французского языка. Очень важно, что среди них не только архаизмы и диалектизмы, но и инновации», – отмечает Т.Ю. Загрязкина [Загрязкина, 2015: 56]. Для определения «бельгицизмов» необходимо уточнять их природу, иначе термин не может являться точным. Сами же франкобельгийцы привыкли называть эти единицы «особенностями».

Валлония и Брюссель были исследованы нами с помощью анкетирования, направленного на различные методы исследования: лингвогеографического и социолингвистического. В 2016 году было составлено 24 карты для определения области распространения «бельгицизмов» [Невежина, 2016]. Карты позволили исследовать интенсивность использования различных лексических единиц.

Например, одним из заданий было подобрать подходящее слово к изображению автомобиля. В качестве вариантов ответа даны: *gaïole, cage, caisse, voiture*. *Gaïole* (сущ., ж.р.) восходит к латинскому *caveola* (диминутив от *cava*), отмечено в валлонском диалекте *gaïole/gayole* в значении «клетка». Наряду с *cage* (сущ., ж.р.) и *caisse* (сущ., ж.р.) используется в значении *voiture* на территории Бельгии. *Voiture* (сущ., ж.р.) как единица общепольского языка также была предоставлена на выбор отвечающих. Вывод по карте является следующим: единица *gaïole* обнаруживается во всей Валлонии и Брюсселе, однако в Намюре эта единица наиболее частотна (57%). *Cage* не используется в Брабанте, и ее использование преобладает в Льеже (38%). *Caisse* обнаружено по всей территории, в наибольшей степени – в Люксембурге и Брабанте (по 40%). *Voiture* преобладает в Брабанте (40%), но отсутствует в Люксембурге и Намюре.

На другом рисунке был изображен ливень, на выбор даны два ответа: *drache, averse*. *Drache* (сущ., ж.р.) – заимствование из Конго (бывшая колония Бельгии, ранее – Заир), обозначающее «дождь с грозой, сильный ливень, обычно летний». Существует устойчивое выражение «*drache nationale*» (национальный ливень), поскольку в Бельгии часто случается дождь именно в государственный праздник, 21 июля – Национальный день Бельгии. От этого слова образован глагол *dracher*, засвидетельствованный Ж. Лебуком [Lebouc, 2006]. Общепольское обозначение ливня – *averse* (сущ., ж.р.). По карте видно, что *drache* является единственным вариантом, засвидетельствованным в Брюсселе, Люксембурге и Брабанте. *Averse* распространен в Эно, Намюре и в наименьшей степени в Льеже.

Проведенный анализ этих и других ответов показал, что общепольские лексемы можно обнаружить повсеместно, но с разной степенью интенсивности (*café* – кафе, *bistrot* – бистро – большая интенсивность; *voiture* – машина, *egratignure* – царапина, *sans valeur* – не имеющий ценности – меньшая интенсивность). Наибольшая интенсивность использования «бельгизмов» обнаруживается в Брюсселе – «перекрестке» языков, наименьшая – в бельгийской провинции Люксембург, что позволяет говорить о консервативных тенденциях на его территории.

Другой задачей анкетирования было определение социолингвистической ситуации во франкоязычной части Бельгии, что подразумевало определение уровня языковой уверенности/неуверенности. Термин появился впервые в трудах американского исследователя В. Лабова в 60-е годы XX в. Лингвистическая уверенность – это чувство своей защищенности, осознание нормы языка и следование ей, убежденность в правильности своего высказывания, осознанный уход от нормы для стилистической окраски речи. Неуверенность – ситуация, при которой говорящие считают свою речь недопустимой к норме, что порождает тревогу в использовании языка и варианта. Фактор языковой уверенности/неуверенности исторически изменчив. Он является показателем идентичности и имеет два аспекта: 1) осознание говорящим вариативности языковых форм; 2) оценка своей речи (как разно- или равностатусной) по отношению к франкоязычному образцу.

Намеренно в конце анкеты отвечающим предлагалось поставить себе оценку по французскому языку, из 10 баллов. Наибольшей уверенностью в «правомерности» своего владения французским языком обладают мужчины, чья работа предполагает использование иностранных языков (самооценка 10 по десятибалльной шкале), менее уверены те, кто работает в сфере образования (самооценка 9), самыми неуверенными являются женщины, работающие в сфере образования (самооценка 7).

По результатам анкетирования употребление лексической единицы, или упрощенно «бельгизма», зависит от социальной среды, уровня образования, профессии, возраста, стиля речи и намерения говорящего: “*Le «cheveux crollés» que je comprends bien et que j’ai utilisé dans mon enfance dans le hainaut mais que je n’utilise plus maintenant, sauf peut être avec des amis proches de ma région d’origine*” («*Курчавые волосы*» я хорошо понимаю, использовал [выражение] в детстве в Эно, но сейчас не употребляю, разве что среди близких друзей из моего родного региона»); “*On ne dit pas «j’ai planté ma caisse/la bagnole» à son patron, mais: «j’ai eu un accident de voiture»*» («Мы не говорим: «я разбил свою тачку» [бельгизм/общепольская единица] – своему начальнику, мы говорим: «Я попал в автомобильную аварию»»).

При анализе эпидиалектических высказываний (т.е. речи о языке) большинство (84,8%) отвечающих согласились с тем, что польский язык в Бельгии обладает своими особенностями. Франкобельгийцы эмоционально привязаны к своей речи, поскольку считают ее маркером своей идентичности: “*Et je mets donc un point d’honneur à sortir toute mon armée de belgicisms quand je suis au contact de Français: à tantôt AU lieu de «à tout à l’heure»*” («Для меня дело чести пустить в ход всю свою артиллерию бельгизмов, когда я общаюсь с французом: использую «до скорого» («à tantôt» вместо «à tout à l’heure»», здесь и в других местах сохранена орфография оригинала). Важно, что ирония может служить для маскировки чувства собственной неуверенности, комплекса языковой неполноценности; самоирония является признаком спокойного отношения к своей речи и осознания ее особенностей: “*Un Wallon un peu cultivé sait qu’il devra changer sa manière de parler pour ne pas être moqué par un Français pointant l’accent belge*” («Даже хоть немного образованный валлонец знает, что должен изменить свою речь, чтобы не попасть под насмешки француза, который высмеивает бельгийский акцент»); “*«Caberdouche» – je l’ai déjà entendu ou lu mais pas fréquemment et personnellement je ne l’utilise jamais (sauf peut-être pour rire)*” («Кафе (кабак) – я уже его (слово) слышал или читал, но не часто и лично я его не использую (разве только в шутку)»).

К англицизмам отношение различно: а) как к положительному явлению – у жителей Брюсселя; б) как к «засилью», с которым нужно бороться, – у жителей Валлонии; в) как к явлению, на которое не реагируют, – повсеместно.

Собственно лингвистический анализ был проведен на материале языка СМИ, электронных и печатных изданий Бельгии (*RTBF, Le Soir, 7sur7, RTL, RFI, La Capitale, L'Avenir*), Франции (*Le Figaro, L'Humanité, La Voix du Nord*) и романской Швейцарии (*Le Régional*). Из них методом сплошной выборки было проанализировано более 10 000 страниц, что позволило выявить и классифицировать 53 регионально окрашенные лексические единицы.

Анализ показал, что «бельгицизмы» используются не только в пределах Бельгии, но имеют распространение на территории европейской части франкофонии. Среди бельгицизмов, обнаруженных в СМИ Бельгии: 46 используются часто; 5 – редко; 2 – очень редко. В СМИ Парижа и СМИ сопредельных с Бельгией регионов Франции (Лилль и Реймс) пропорции иные: Париж: 4 слова используются часто; 15 – редко; 9 – очень редко. Лилль и Реймс: 4 единицы используются часто; 20 – редко; 9 – очень редко. В СМИ романской Швейцарии бельгицизмов меньше, и они используются еще реже: 1 – редко; 7 – очень редко.

Так, к изучению варианта языка можно подойти тремя способами – лингвистическим, социолингвистическим и лингвогеографическим. При использовании мультидисциплинарного подхода языковая картина на различных территориях франкофонии предстает наиболее полно, представляется возможным проследить динамику языковых процессов на той или иной территории.

В начале 2017 года совместно с доцентом кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова О.А. Крюковой было издано пособие «Le français par la presse francophone (France, Belgique, Suisse)» («Язык франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария)») [Невежина, Крюкова 2017]. Пособие преследует цель показать учащимся разных уровней и факультетов многообразие территориальных форм изучаемого языка. Оно также помогает избавиться от стереотипов и не путать ошибки с инновациями или архаизмами (например, *septante* – семьдесят, *endéans* – через, *il drache* – ливень, *kermesse* – ярмарка и др.). Пособие составлено из оригинальных медиатекстов, взятых из СМИ Бельгии, Франции и Швейцарии. Медиатексты являются в данном контексте одной из распространенных форм бытования языка.

В задачи пособия также входит углубление навыков не только чтения, говорения и реферирования оригинальных текстов прессы, но и развитие умений говорить на страноведческие и общекультурные темы, социокультурных компетенций. Кроме того, пособие рассчитано на формирование у учащихся навыков работы с прессой, понимания различных языковых форм (севера и северо-востока Франции, Бельгии (Валлонии и Брюсселя) и романской Швейцарии). Оригинальные тексты снабжены словарем, комментариями и упражнениями, предполагающими различные виды речевой деятельности.

В дальнейшем нами рассматривается возможность проведения анкетирования на одном из Антильских островов – Мартинике – и описание лингвистической ситуации в островном ареале.

Список литературы

- [1] Загрякина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М.: Издательство Московского университета, 2015.
- [2] Невежина Е.А. Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалов Романии: Автореф. канд. фил. н. – М., 2016.
- [3] Невежина Е.А., Крюкова О.А. *Le français par la presse francophone (France, Belgique, Suisse)*. Язык франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария). Учебное пособие. – М.: Языки Народов Мира – ТЕЗАУРУС, 2017.
- [4] Lebouc G. *Dictionnaire de belgicisms*. Bruxelles, Éditions Racine, 2006.